

Могучий Андрей Чубовский - 2006 - 7 июль - С. 18

«Я чувствовал себя персонажем «Криминального чтива»»

«Кракатук» Андрея Могучего может оказаться для зрителей крепким орешком

В цирковом шапито, раскинувшемся в Музее-заповеднике «Коломенское», начинается показ одного из самых грандиозных отечественных шоу — спектакля Андрея Могучего «Кракатук». Оно уже объездило много всяких городов, произвело фурор во Франции и вот, наконец, добралось до Москвы. Многократный лауреат «Золотой маски» Могучий один из первых в России начал ставить театрализованные уличные шоу, на которых взрослый человек мог радоваться как ребенок. Идея раскрыть волшебство гофмановской сказки средствами циркового волшебства — из той же серии. С Андреем Могучим беседует обозреватель «Известий» **Марина Давыдова**.

Марина Давыдова: Можно я задам сначала примитивный вопрос? Ты имел в виду, что «Кракатук» будет интересно смотреть детям?

Андрей Могучий: О, любимый вопрос! Нет. Не имел.

Давыдова: Да-а-а... А я собиралась с ребенком пойти.

Могучий: Так и пойди. На этом самом «Кракатуке» произошла любопытнейшая история. Работаем мы над проектом с чудесным художником Александром Шишкиным. Он рисует что-то. И вдруг я чувствую, что теряю с ним контакт. Пациент уходит... Я думаю: да что ж такое? А он говорит: ну там же дети будут, это же детский спектакль. Я в ужасе: с каких бобов мы вдруг делаем детский спектакль? Он: а что, не детский, что ли? Я: да нет же, мы делаем то, что хотим делать исходя из нашего опыта уличного театра, и т.д. Ужасно разозлился, в общем. А потом на шестой или седьмой спектакль к нам валом повалили дети. Мы играли это шоу в питерском цирке Чинезелли. Ну они и пошли в цирк. Им-то наплевать — Могучий это или не Могучий. Дети ходят в цирк. С родителями. С бабушками. Я испугался, потому что много лет назад дал себе зарок не делать детских спектаклей. Но когда я увидел, как они визжат, радуются и в конце спектакля лезут в пену, я ужасно обрадовался. И мне своих собственных детей потом нестыдно было привести.

Давыдова: Только честно — что подвигло тебя поставить этот спектакль?

Могучий: Честно? Денег хотел заработать. Это был проект, который мы должны были сделать за две-три недели. И это была чужая идея. До меня она дошла в виде конкретного предложения от продюсера, имя которого

Олег Чесноков. Он мне сказал: все почти готово. Музыка написана, костюмы сшиты, танцы Татьяна Баганова отрепетировала, декорации есть, цирковые номера тоже. Надо просто все это свести. То есть я должен был стать кризисным менеджером. Помнишь, в «Криминальном чтиве» появляется персонаж (мистер Смит, кажется), который знает, что делать, если что-то случилось. Он приезжает и говорит залитым кровью героям: «Ну, во-первых, умойтесь». Вот и я должен был сыграть роль такого Смита. В результате три недели растигнулись на четыре года.

Давыдова: То есть сводить вместе придуманное до тебя гораздо сложнее, чем ставить спектакль?

Могучий: Не сложнее, а невозможно. Просто — НЕВОЗМОЖНО. Потому что профессия режиссера, как выяснилось, все же существует, и он должен сам придумать спектакль, а не складывать чужой пазл.

Давыдова: Иными словами ты мыслил категориями драматического театра?

Могучий: Я не очень понимаю в последнее время, что такое драматический театр. Я мыслил категориями авторского режиссерского театра.

Давыдова: Я имею в виду, что шоу в отличие от драматического спектакля можно делать из разнородных элементов. Потому что главное в шоу — удивить публику. Так или эдак — неважно.

Могучий: Ну да, конечно. У драматического спектакля и шоу разное целеполагание. В первом — создание некоего художественного образа. Во втором — развлечение публики. Это разные векторы. Но вот в чем штука. Я твердо понял: как только у моей бригады появляется желание просто сделать шоу и получить прибыль, у нас заведомо ничего не выходит. Если нет внутренней установки на внятное художественное высказывание, то и денег заработать не удается. Поэтому мы в результате все равно стали создавать художественный продукт, даже несмотря на то что язык, которым мы пыталяемся донести нашу идею, — это язык трюка, аттракциона.

Давыдова: Я не знаю другого режиссера, у которого каждый следующий спектакль был бы так не похож на предыдущий, как у тебя.

Я понимаю более или менее, чего ждать от Гинкаса. Или от Ницкого. Или от Климова. А от тебя — не понимаю. Это принцип — всегда быть не похожим на самого себя?

Могучий: Я открою страшную тайну. Мне тут недавно сделали гороскоп. Я в это не верю, конечно. Но тем не менее. Сделали и говорят: режиссёры-то у тебя там нет. Ты скорее сочинитель, писатель, но не режиссер. Надо бы посмотреть твои спектакли, говорит астролог, может, это и не спектакли вообще.

Давыдова: А ведь астролог не так уж неправ. В мире сейчас становится все больше сочинительского театра. Не интерпретаторского, а именно сочинительского, когда режиссер сам придумывает сюжеты своих спектаклей. Так поступает Кристоф Марталь, так работает Алан Платель.

Могучий: У нас и собственная традиция авторского театра имеется. Мы сидим сейчас в Центре Мейерхольда, а кто как не он занимался такого рода театром.

Давыдова: Но он, замечу, тоже был интерпретатором.

Могучий: Не важно. Им культивировалась идея невторичности режиссерской профессии. А мне в институте сразу сказали: у вас, режиссеров, есть один начальник — автор. В общем, режиссер-сочинитель — это наше ноу-хай. А они, на Западе, потом себе просто все присвоили. Молодцы, что скажешь.

Давыдова: И как ты собираешься быть не похожим на себя в дальнейшем?

Могучий: Мне кино сейчас очень хочется снять. Серебренников же снял. Я тоже хочу попробовать.

Давыдова: Не боишься уйти туда навсегда? Кино ведь открывает удивительные возможности.

Могучий: Вот что мне кажется совершенно нелепым — так это предположение, что кино может вытеснить театр. Скорее само кино умрет. Научатся делать каких-нибудь роботов-актеров. И как нельзя уже отличить цифровую музыку от аналоговой, так настоящего артиста сложно будет отличить от кибера. Они будут даже лучше казаться. Мой сын привык пить порошковое молоко, так он уже не может пить топленое. Трюк, кстати, тоже моментально тиражируется, множится. Еще недавно было открыто, а уже все в широком доступе.

Давыдова: Как мобильные телефоны. Смотришь на старую модель — и она кажется древнее палки-копалки из археологического музея.

Могучий: А театр — это будет такая эксклюзивная, ручная работа. И никто от нее не откажется. Потому что живой человек в отличие от технологии всегда неожидан и нов.